ТЕСС ХАГЕН

ДРУГИЕ

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ

2

18+

Тесс Хаген

Другие. Экзистенциалист

«Автор»
2023

Хаген Т.

Другие. Экзистенциалист / Т. Хаген — «Автор», 2023

Магнус Льётольв - галерист, художник и по совместительству экзистенциалист. Зачем ему потребовалось совершенно безвозмездно помогать волонтёру Майе, чего он ждёт в ответ? Возможно ли, чтобы Ужас во плоти проникся к простому человеку добрыми чувствами или это просто способ забыться, побороть чувства вины и замаскировать настоящую бурю в душе, порожденную другой сущностью?

© Хаген Т., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Нарисуй 5
Поиграем? 16
Пустой холст 20
Надежда 26
Жечь 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Тесс Хаген
Другие. Экзистенциалист

Нарисуй

В небольшом цветочном магазине было прохладно и слишком светло на контрасте с темнотой улицы. Довольно промозглый февральский вечер.

– Мне осталось только найти художника, чтобы помог с оформлением. И всё будет готово! – довольно тихо произнесла девушка с коротким каштановым каре. Она куталась в длинный чёрный пуховик и натягивала на голову зелёную шапку с помпоном.

– Я поспрашиваю у знакомых, наверняка кто-нибудь найдётся, – кивнула ей цветочница. – Ты не переживай, Май.

– Да я не переживаю, просто хочется уже поскорее со всем этим разобраться и двигаться дальше, – Майя пожала плечами и кивнула подруге. – Ладно, пойду.

Тихонько звякнул колокольчик на двери – вышел незаметный посетитель. Девушки оглянулись и тут же вернулись к разговору.

– Заходи, как будет возможность. Я тебе напишу, если что-то выясню.

– Спасибо, Фис.

– Да пока не за что.

Майя махнула подруге и вышла на улицу, почти столкнувшись с мужчиной, стоявшим за дверью. На нём было надето тёмно-коричневое пальто в большую шотландскую клетку, лёгкое не по погоде, зелёный, болотного цвета шарф. Тёмные волосы средней длины уложены волнами. Мужчина улыбнулся и спросил:

– Ищете художника? Могу нарисовать вам что захотите.

– Простите? – Майя удивленно смотрела на него, не совсем понимая, что происходит.

– Я слышал вашу беседу. Хотите, накидаю для вас пару эскизов? Если понравится, то об остальном договоримся, – мужчина улыбнулся, позволяя рассмотреть его лицо подробнее. Аккуратные брови, чуть приподнимающиеся домиком, гладко выбритое лицо, чётко-очерченные губы, тонкий нос и довольно большие глаза с несколько странным разрезом – едва заметным азиатским уголком. Он располагал к себе с первого взгляда, не оставляя шанса на сопротивление.

– Можно, конечно, – медленно протянула Майя, всё ещё пытаясь понять, как ей так несказанно повезло. Она будто бы позабыла о том, что не знает этого человека и впервые видит его.

– Тогда кофе?

– Кофе, – вторила она.

Недалеко от цветочного магазина Фисы, буквально за первым поворотом, рядом с остановкой трамвая, располагалось маленькое уютное кафе. Майя часто забегала туда, чтобы захватить кофе с собой или после работы встретиться с подругой.

Незнакомец учтиво отодвинул стул, чтобы Майя могла присесть за стол, а сам опустился напротив. Движения его были уверенными, вальяжными и отдавали прошлым веком, во всяком случае, Майе давно не встречались мужчины, настолько хорошо владеющие правилами этикета. Он снял своё клетчатое, по виду жутко дорогущее, пальто, повесил на плечики и задумчиво забрал у Майи пуховик. В лёгкой голубой рубашке с воротником-стоечкой мужчина выглядел благородно и аристократично.

– Давайте познакомимся? – с улыбкой спросил он, заказав перед этим две чашки кофе и десерт. – Льётольв. Для друзей – Льё.

– Какое странное имя… – промямлила Майя, всё пытаясь сообразить, как так вышло, что она сидит в кафе с незнакомцем.

– Скажем так, я не местный. Но живу здесь давно, – Льётольв чуть наклонился вперёд и произнёс более тихим голосом, – а вас как зовут?

– Майя.

– Тоже вполне необычно. Когда-то давно я читал книгу про пчёлку Майю, – зачем-то добавил он.

– А я мультик смотрела, – растерянно шепнула Майя.

– Забавно. Ну да ладно. Давайте перейдём к делу.

Льё схватил салфетку, дотянулся до кармана пальто и выудил оттуда ручку. За пару минут появился рисунок: столик в кафе, а за ним – двое. Он протянул салфетку Майе.

– Как вам? Я художник, рисую профессионально, но довольно редко. Сейчас на мне больше административной работы, поэтому, когда я услышал, что вам нужен кто-то, кто сможет изобразить… В общем, я не гонюсь за деньгами. Мне нужно творчество.

– Это… Красиво, – Майя с интересом разглядывала салфетку, пока не поняла, кого изобразил Льётольв. – Вы нас нарисовали?

– Да. Самый простой сюжет – это то, что ты видишь вокруг, – он пожал плечами и осторожно отпил кофе. – Рассказывайте, что вам нужно нарисовать?

– Боюсь, что мы с вами вряд ли сойдёмся в цене.

– Вопрос цены обсудим позже. Напомню – я не гонюсь за деньгами. У меня их достаточно.

Майя поморщилась – откровенная кичливость этого человека отталкивала. Он вообще одновременно и располагал к себе и вызывал странное чувство отвращения, почти брезгливости, которое она никак не могла объяснить.

– Мне нужны небольшие иллюстрации для сборника сказок, которые пишут дети. Этот проект благотворительный, поэтому бюджеты у нас более чем скромные. Сказки написали ребята из неблагополучных семей, вынужденные жить…

– В детском доме?

– Почти. Не люблю это название.

– Продолжайте.

– Так вот, дети написали свои сказочные истории, и теперь осталось оформить красивую обложку и отправить сборник в печать. Потом мы подарим его ребятам, а основной тираж распродадим на благотворительных ярмарках. Все средства пойдут на помощь детскому дому. – А вы – это кто?

– Волонтёры.

– Так это не ваша работа? Помогать?

– Нет. Я этим занимаюсь помимо основной работы.

– Хобби, значит, – Льё снисходительно улыбнулся.

– Грубо, но… Да. Можно и так сказать.

– Майя, я жду вашего вердикта. Будем работать вместе? Мне теперь стало интересно побыть волонтёром, как и вы, – на этот раз улыбка его одарила неожиданным теплом и заставила Майю так же непринужденно и расслабленно улыбнуться в ответ.

– Если вам действительно интересно, то давайте поработаем.

– По рукам, – Льётольв протянул ей свою узкую, изящную, но по-мужски большую ладонь.

– По рукам, – ответила Майя и пожала удивительно холодную руку Льё.

– Тогда я жду от вас чётких пожеланий относительно рисунков и сроки. Если можете сказать всё сейчас, то говорите. Если нет, то отправьте мне всё на почту. Минуту… – он снова дотянулся до пальто и достал из кармана визитку.

“Магнус Льётольв. Художественная галерея” – значилось на визитке, и были указаны контакты.

– Магнус – это фамилия? – уточнила Майя.

– Нет. Второе имя. Но я не очень люблю им пользоваться, только при необходимости.

– А вы, значит, работаете в галерее?

– Нет. Я её владелец, – Льё подвинул поближе к Майе тарелочку с десертом. – На самом деле, у меня много разных увлечений и дел. Если будет интересно, как-нибудь в другой раз я вам расскажу подробнее.

“Он что, намекает на новую встречу? Хотя да, если мы теперь сотрудничаем…” – быстро подумала Майя и смутилась от собственных мыслей, опустив взгляд.

– Вы не подумайте, я вовсе вам не навязываю своё общение, – чуть тише произнес Льё и загадочно улыбнулся. – Но ваш проект действительно для меня интересен. Думаю, что мои возможности вполне могут пригодиться вам и в дальнейшем.

– Мне не очень удобно принимать вашу помощь безвозмездно. Тем более когда я не понимаю масштабов.

– Не переживайте, Майя. Иногда даже таким людям, как я, нужно делать что-то хорошее совершенно бесплатно.

Он снова принялся рисовать на салфетке, да так самозабвенно, изящно проводя линии, что Майя невольно залюбовалась. Она сама всегда хотела уметь творить, но никаких особых талантов не имела, во всяком случае рисовать красиво у неё не получалось, лепить тоже, музыку попробовать было страшно, а остальное – не так интересно. Вообще, этот Льётольв выглядел довольно импозантно и крайне привлекательно. Но мимолетное ощущение неприязни и лёгкой отравленности атмосферы вокруг него постоянно держало в напряжении. Иногда он смотрел добрым и открытым взглядом, но в некоторые моменты казалось, будто через его глаза на мир смотрит демон, не иначе.

– Красиво получается, – прошептала Майя, увлечённая наблюдением за руками Льё.

– А вы ещё сомневались? – он усмехнулся одними уголками рта и подвинул салфетку ближе к Майе. – Смотрите.

На белой неровной поверхности узнавалась эта улица, остановка трамвая и двое: девушка в длинном дутом пуховике и смешной шапке, а рядом с ней – мужчина в пальто. Они стояли слишком близко, повернувшись к наблюдателю спиной, и сердце Майи неожиданно забилось быстрее.

– Это мы? – она подняла глаза на Льё.

– Да.

– Эм… Я не знаю, что вам сказать… – она отодвинула салфетку и засобиралась. – Наверное, мне пора. Спасибо за кофе. И… За помощь.

– Испугались? Не стоит. Говорю же – самые лучшие сюжеты, они всегда рядом. Позвольте, я вас провожу.

Майя хотела было отказаться, но не успела. Льётольв вскочил, поднёс ей пуховик, мимоходом бросив на стол купюру в пять тысяч, на ходу надел пальто и подошёл к двери, чтобы открыть её перед Майей. До остановки шли молча. Льё разглядывал витрины и иногда смотрел себе под ноги, выглядев вполне умиротворенно.

– Ну, буду ждать от вас сообщения на почту, – проговорил он, остановившись под остановкой вместе с Майей.

– Да-да, обязательно, – поторопилась она ответить в надежде, что новый знакомый её покинет. Но Льё никуда не спешил, стоял рядом, чуть покачиваясь на ногах взад и вперёд.

– У вас в феврале всегда такая погода? – протянул он меланхолически.

– Что? – не поняла Майя, – вы же говорили, что давно тут живёте.

– Да?.. Подзабыл. А вы всё-таки не бойтесь меня, я не кусаюсь. Вот только мёрзну иногда по такой погоде, – неожиданно выдал Льётольв.

– Поэтому я ношу пуховик почти до марта.

– Надо бы… О! Ваш трамвай!

Майя присмотрелась – трамвай и правда был нужного номера. Она чуть испуганно покосилась на Льётольва, но он подхватил её под локоть и вывел вперёд.

– До встречи, Майя. Рад знакомству, – очень мило улыбнулся он, не выпуская её локоть из своих цепких рук.

– Я напишу, – прошептала она, всё ещё находясь в некотором оцепенении. Какой же он странный, этот Льё.

Трамвай шумно затормозил, открыл свои гостеприимные двери, Майя сделала шаг вперед, как почувствовала, что Льётольв отпустил её, но вместе с тем легонько провел рукой по спине, чуть подталкивая. Слишком фамильярный и неожиданный жест для новых знакомых. Она зашла в трамвай и замерла, борясь с желанием оглянуться, понимая, что не должна этого делать, что это будет неправильно и даст понять Льё, будто бы его действия чем-то её зацепили. Двери закрылись, трамвай начал набирать ход, и Майя не выдержала: оглянулась и увидела, как этот непонятный мужчина в клетчатом пальто, махнул ей. Она улыбнулась и ответила тем же. Затем судорожно спрятала руку в карман пуховика и опустилась на свободное место.

“Кошмар… Что я делаю?” – пронеслось у неё в голове. Но сопротивляться этому человеку очень сложно. Рядом с ним чувствовалась собственная простота и никчемность, от чего не хотелось лишать себя его общества, хотелось проникаться атмосферой. Вот только какой? Таинственность, богемность, аристократизм? Богатство. Льётольв вроде бы не выставляет всё это на показ, но в каждом его слове и жесте считывается вполне однозначный посыл – ему есть чем гордиться, у него есть всё, что нужно, и он готов добросердечно делиться. Если захочет, конечно.

Пока что Майя решила никому не говорить о том, что нашёлся художник для сборника. Нельзя полностью доверять малознакомому человеку. Внезапно ей пришла в голову совершенно очевидная и простая идея: поискать что-нибудь о Льётольве в интернете. Поисковик выдал довольно скудную информацию: много фотографий с выставок и всё то, что Майе уже было известно. Зато теперь она могла рассмотреть его внимательнее – невероятно привлекательный мужчина, всегда безупречный, с дорогими украшениями типа золотых запонок и часов, костюмы, рубашки, пальто… Идеально, аж до тошноты. В жизни он выглядел более приземлённо, чем на фото в окружении картин. Невероятных картин! Потрясающие коллекции современных авторов, а его собственные произведения искусства – впечатляли даже через экран смартфона. Слишком живые, вызывающее непреодолимое желание прикоснуться. Майя закрыла браузер и спрятала телефон. Она всегда действовала по одному единственному правилу – вовремя остановиться.

Трамвай затормозил на знакомой остановке, и она выскочила на улицу. Быстро перебежала дорогу и очутилась у старого подъезда небольшого пятиэтажного дома. Третий этаж и…

– Ай! – вскрикнула Майя, испугавшись человека на лестничной клетке. – Глеб!

– Ага, он самый. Даже не привидение, прикинь, – отозвался Глеб с усмешкой. Он стоял около двери в распахнутой куртке и взлохмаченный, его русые волосы лежали как придётся, совершенно не смущая хозяина. – Ты где пропадала?

– Задержалась немного по работе, – заторможенно выдала Майя. Она совершенно забыла, что договорилась с Глебом о встрече.

– Могла бы написать, а то стою тут как дурак.

– А ключи?

– Дома оставил, – он пожал плечами. – Открывай давай! Чаю хочется.

– И только? – вырвалось у Майи.

– Ты чего? Заболела? – он приложил прохладную руку ко лбу подруги. – Мы вроде в отношениях, забыла? Конечно, я рассчитываю не только на чай.

– Ага…

Майя вдруг почувствовала себя слишком уставшей, чтобы вести разговоры, впустила Глеба в квартиру, зашла сама и, бросив вещи на тумбочку, быстро прошла в кухню, чтобы поставить чай, а потом заперлась в ванной.

Глеб шумел посудой, пока Майя отсиживалась в ванной. Она хотела принять душ, но так и не нашла в себе сил на это простое действие. Поэтому просто умылась и переоделась в тёплый пушистый халат, который очень кстати висел на крючке.

– Май, – крикнул Глеб, когда она вышла, – у тебя холодильник вообще пустой, что на ужин?

– Не знаю. Яйца, может? – она безвольно опустилась на стул, борясь с желанием положить голову на стол и уснуть.

– Ты точно не заболела? – строго глянул на неё Глеб.

– Просто устала, нервный день вышел. Налей чаю, больше ничего не хочу.

– Ну ты не хочешь, это ладно. А я? Знал бы, что у тебя всё так плохо, купил бы чего-нибудь по дороге.

– Глеб! Если хочешь есть, то или иди в кафе или заказывай, я не нанималась для тебя готовить, – неожиданно зло проговорила Майя.

– Ты чего? – опешил он и осторожно поставил кружку с чаем на стол.

– Устала! Сколько ещё раз надо сказать? Я много работаю, занимаюсь волонтерством, а ты мне тут про еду какую-то говоришь. Дай отдохнуть!

– Странно, раньше ты себя так никогда не вела… Даже если уставала, – обиженно пробурчал Глеб. – У меня на работе тоже не всегда спокойно, но из-за этого я на людей не бросаюсь. Ладно, добегу до магазина. Надо тебя чем-то накормить нормально, вдруг полегчает.

Глеб тихо собрался и вышел, а Майя выпила горячий чай и побрела в комнату. Она сама не могла объяснить такой резкий перепад в настроении. Из головы никак не шёл странный, но всё более приятный, жест Льё. Намекал ли он на что-то большее или нет? Возможно, это был просто жест вежливости, но Майе казалось, что не только. Если он действительно сделает красивые иллюстрации, то книгу будут покупать лучше. Можно попробовать договориться с ним, и реализовать сборник в его же галерее. Сколько тогда получилось бы выручить средств? Наверняка гораздо больше, чем она и другие волонтёры надеялись. Ради этого можно и немного поулыбаться Льётольву в ответ. Он выглядит крайне приличным человеком, есть надежда, что не станет переходить определенных границ. Но если что – всегда можно разорвать договорённость.

Майя поднялась, отыскала ноутбук и, пока Глеб отсутствовал (а она не собиралась пока ничего ему говорить о новом знакомом), отправила всю необходимую информацию Льё на почту. Ответ пришёл незамедлительно – он обещал в ближайшее время прочесть сборник и начать рисовать. Майя с облегчением закрыла ноутбук, отложила его в сторону и прикрыла глаза.

Сквозь сон Майя никак не могла понять, что звонит. Кое-как очнувшись, она добралась до телефона – звонил будильник. Похоже, она уснула вечером и проспала до самого утра, странно, что Глеб не стал будить. Раньше он никогда особо не церемонился, тем более если пришёл с определенными целями. Майя встала, потянулась и, шаркая пушистыми тапочками, зашла на кухню. Никаких записок от Глеба, только полный холодильник еды.

– Обиделся, наверное, – шепнула себе Майя, ставя чайник. – Ну и ладно.

Отношения с Глебом были странными, довольно близкими, но не настолько откровенными, чтобы хотелось всегда быть рядом. Иногда Майе казалось, что встречаются они только потому, что подходят друг другу в постели. Но это скучно и бесперспективно. Вместе с тем

Глеб – единственный парень, с которым у неё хоть что-то сложилось. Он даже проявляет некое подобие заботы и внимания, правда, в каком-то урезанном формате. Собственно и Майя по отношению к нему тоже всегда вела себя чуть отстранённо, будто бы между ними была невидимая стена, препятствие, не позволяющее стать слишком близкими.

Сегодня день волонтёрства. Майя оделась поудобнее, чтобы проще было работать с детьми, и отправилась на другой конец города. К вечеру она планировала заехать в типографию и прогуляться немного по центру, чтобы развеяться. Так она и поступила. Собственно и волонтёрскую деятельность Майя выбрала потому, что не могла сидеть без дела в одиночестве. Когда она оставалась дома одна, то чувствовала, как потихоньку сходит с ума – жизнь казалась пустой и бессмысленной, время словно утекало сквозь пальцы, и Майя боялась, что покинет этот мир так и не сделав ничего хорошего, не оставив никакого следа. Ей хотелось наполнить смыслом и деятельностью каждую минуту. Отчаянное и больное желание, заставляющее её работать до изнеможения без выходных и отпусков, игнорируя всё то, что по мнению Майи выглядело пустой тратой времени.

Расправившись со всеми делами, она неспешно брела по центральным улочкам, потягивая кофе из бумажного стаканчика. Домой ей не хотелось, и даже несмотря на довольно промозглый вечер, она была настроена гулять долго. Кофе кончился, и Майя с тоской выбросила стакан, остановившись на переходе. Внезапно взгляд её упал на интересное здание через дорогу: необычный арочный вход и наружные светильники перед окнами. Слишком странно, но очень красиво. Будто у каждого окна был свой крошечный фонарь, своя улица и свой мирок. Внутри горел свет и перемещались тенями люди.

Майя медленно шла по переходу, продолжая разглядывать здание, как к окну подошёл мужчина. Его лицо, освещённое фонарём, показалось ей крайне знакомым. Кажется, он улыбнулся и помахал, приглашая зайти. Двигаясь в сторону дома, Майя узнала в этом человеке Льётольва. Невероятная встреча. Она остановилась перед большим тёмным арочным углублением в стене и не решалась ни на что. Уйти – значит обидеть Льё, зайти по приглашению – неудобно. Она даже не одета прилично для такого заведения.

Раздумья Майи прервались появлением Льётольва – он вышел на улицу, чтобы проводить гостью.

– Добрый вечер, – учтиво произнёс он. – Такая неожиданная встреча! Заходите на кофе, заодно поболтаем о нашем деле.

– Я немного не готова к…

– К чему? Выпить кофе? Не смешите меня, – рассмеялся Льё, подталкивая Майю к тёмной лестнице. – Поднимайтесь и ни о чем не переживайте.

Они прошли в зал, наполовину заполненный людьми. Льётольв проводил Майю к столику недалеко от окна и услужливо помог сесть.

– Ну, рассказывайте, как вы тут очутились? – добродушно начал он расспрашивать.

– Просто мимо шла, в окне заметила вас. Очень интересно оформлен фасад, – скромно пробормотала Майя, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Вечерняя прогулка?

– Можно и так сказать, после работы решила немного развеяться.

– Работаете в выходной? – удивленно вскинул бровь Льётольв. Принесли кофе и пирожное для Майи.

– Больше занимаюсь волонтёрскими вопросами. В будние дни не так много времени на это.

– А как же семья? Не против? – Льё отпил кофе и загадочно улыбнулся уголками губ.

– Да вроде нет, – тут же стушевалась Майя. Из-за её занятости по выходным у них с Глебом частенько случались мелкие ссоры.

– Вы выглядите уставшей, Майя. Не стоит забывать про отдых, – заметил он. – Кстати, я прочитал часть историй из вашего сборника. Удивительно талантливые дети!

– О да! Вы даже не представляете, какие они все замечательные, – оживилась Майя, видя неподдельный интерес Льётольва. Пока она говорила, он взял салфетку, ручку из кармана и принялся рисовать, как и вчера. – С ними, конечно, занимаются, но детям нужна родительская любовь и забота, внимание. Им очень трудно, я каждый раз когда смотрю на этих ребят, еле сдерживаю слёзы. Так хочется, чтобы их жизни сложились наилучшим образом, но мы прекрасно понимаем, что, скорее всего, только часть из них может на это рассчитывать. Поэтому наша организация волонтёрская старается всеми силами помочь, показать другой мир, не такой, какой они видели всё детство… Ой, простите, Льё. Я немного увлеклась…

– Нет-нет, всё хорошо. Вы всё очень верно говорите Майя… Если бы в мире было больше таких людей как вы… Таких… Добрых, – он вздохнул и протянул ей салфетку. – Это вам.

Майя взглянула на рисунок – букет роз. Несмотря на то, что они нарисованы обычной шариковой ручкой, выглядели цветы так, словно настоящие. На мгновение ей показалось, что за столиком даже пахнет цветами. Майя подняла взгляд и ахнула: официант и правда принёс к столу букет. Алые розы. Ровно семь штук. Огромные бутоны, размером с ладонь, приветливо покачивались, соблазняя своей бархатистой поверхностью.

– Льё… Это что, мне?

– Конечно. Вы заслужили. За свою доброту, – он улыбнулся. Но Майя испугалась. В его улыбке снова промелькнуло что-то зловещее и тревожное.

– Спасибо, но… Я не могу их принять.

– От чего же?

– Как-то нет повода, – неуверенно ответила она, тревожно косясь на людей в зале.

– А разве нужен повод, чтобы подарить девушке цветы? Тем более такой чудесной, как вы.

– Вообще-то, у меня есть… Молодой человек, – зачем-то начала оправдываться Майя, думая, как бы поскорее уйти из этого места.

– И он совершенно точно не дарит вам цветы, – слишком громко рассмеялся Льётольв. – Ладно, простите меня. Дурацкая шутка. Я не хотел вас обидеть или смутить.

– Всё нормально, просто тема для шутки оказалась не самой лучшей, – Майя отодвинула пустую чашку от себя и поднялась. – Мне пора, до встречи. Спасибо за кофе.

– Я провожу вас до выхода.

– Не переживайте, я и сама справлюсь.

– Хозяину заведения не положено бросать своих гостей одних, – резонно заметил Льётольв, провожая Майю. Но когда заметил её сконфуженность и удивление, добавил, – простите, я всё ещё никак не привыкну к вашей скромности.

– Просто у меня никогда не было знакомых, которые содержали бы ресторан и картинную галерею.

– Теперь есть. Привыкайте.

Они распрощались, Льётольв пообещал написать свои впечатления, как только прочтёт книгу до конца, а Майя уже прикидывала, каким бы способом вежливо отказаться от его услуг. Он интересный, но странный, и почему-то казался ей немного опасным. Может быть из-за того, что явно был из другого круга людей, из совершенно иной прослойки, где любые вопросы решаются проще, где не принято работать круглосуточно в том формате, к которому привыкла Майя. Где крутятся большие деньги, там слишком много тайн, подковерных игр, лицемерия и хитрости. Она была уверена в этом. И Льётольв, раз уж вращался в тех самых кругах, уже в её глазах был запятнан.

На улице заметно похолодало, сыпал мелкий крупинчатый снег. Майя бегом вбежала в подъезд и поднялась на свой этаж, отряхивая шапку. Около двери стоял букет алых роз,

точно таких, как в ресторане, будто копия. Одинаковое количество цветов, бант. Только внутри лежала небольшая открытка. Майя взяла её в руки, осторожно, двумя пальцами, будто бы бумага могла быть отравлена, и прочла одну единственную фразу, выведенную витиеватым почерком: “Кажется, ты забыла”. Чёрт! Она отбросила записку в сторону, испугавшись. Схватила букет и запихнула его в мусоропровод. Что происходит? Кто мог сказать Льётольву адрес? Ладно, телефон она сама оставила, но адрес!

Она зашла в квартиру, заперла дверь на все замки, чего никогда не делала в обычное время. Включила свет в каждой комнате, села на банкетку около входа и написала сообщение единственному человеку, который мог её сдать – Фисе.

“Зачем ты дала этому мужику мой адрес?”

Ответ пришёл спустя минуту:

“Какому мужику? О чём ты?”

“Я пришла домой, а под дверью цветы!”

“Слушай, я, конечно, понимаю, что у вас с Глебом свободные отношения, но не до такой же степени, чтобы не помнить, кому и когда ты давала свой адрес”

И через пару секунд:

“А что за мужик?”

Сердце у Майи упало. Если Фиса не давала никому адрес, то как?..

“Тот, который был у тебя в магазине позавчера. Помнишь? Высокий, волосы чёрные, в коричневом пальто”

“Не было такого. Ты в порядке?”

“Да… Наверное”

Она отложила телефон на тумбочку и задумалась. Фиса давно работает в цветочном салоне, и у неё прекрасная память на лица. Может, она просто не обратила на Льётольва внимание, занятая разговором с Майей? Но как не заметить такого мужчину? Телефон снова подал признаки жизни, оповещая о новом сообщении.

“Майя, надеюсь, цветы понравились. Это для тебя”

Она перечитала сообщение раз десять, удостоверившись, что отправителем значится Льётольв. Внезапно её захватил страшный испуг из-за того, что цветы оказались в мусорке. Что будет, если этот человек узнает? Обидится? Разозлится? Но оставить их тоже было нельзя – Глеб обязательно устроил бы сцену ревности, а терять его Майя не собиралась, неизвестно, удастся ли ещё с кем-то завести отношения. Окончательно приуныв, она подставила руки под подбородок и с грустью осмотрела маленький коридор. Вся её жизнь была похожа на этот коридор – люди заглядывают, но не остаются, или проходят сквозь него, или вообще не проявляют никакого интереса. Да и сама она будто бы гость: в этом мире всегда чувствовала себя чужой, неприкаянной. Особой внешней красотой не отличалась, в работе преуспевала не сильно, хотя и стремления особенного не имела, по шумным вечеринкам не ходила, даже замуж её ни разу никто не позвал.

Майя вздохнула, напомнив себе о том, что она делает в этой жизни гораздо больше, чем огромная часть населения этого города, и, скинув верхнюю одежду, добралась до комнаты. Завалилась на диван и вспомнила, что не выключила свет, но вставать ужасно не хотела. Из головы никак не шёл образ Льётольва. Вот уж мужчина, так мужчина – на тысячу очков впереди Глеба. И, кажется, она его умудрилась заинтересовать. Не думает ли он, этот Льё, что Майя так просто поведётся на его красивые жесты? К своему стыду, ей пришлось признать, что если он так и думает, то совершенно не зря. Даже если это будет мимолетная, ничего незначащая связь.

Она хотела было пойти поужинать, даже прикинула, что можно приготовить, но внезапно уснула, прямо под яркими лампами. Обычно ей снились яркие, запоминающиеся сны, но в этот раз ничего такого не было – только темнота и пустота, словно ничего не происходило в жизни,

чтобы заинтересовало мозг, порождая впечатления. От этого пустующего ужаса в голове, Майя и проснулась. Часы показывали предрассветные часы, свет во всей квартире был погашен.

Сев, она принялась оглядываться, смутно припоминая, что свет не гасила. Во всяком случае во всей квартире она не могла этого сделать так, чтобы потом не вспомнить.

– Кто здесь? – тревожным, дрожащим голосом крикнула Майя в сумрак. Ответа не последовало, тогда она шепнула себе, – может просто электричество отключили?

Откуда-то из-под дивана раздался короткий звонок – пришло сообщение. С трудом преодолевая страх, Майя нагнулась, схватила телефон, и тут же прочла:

“Прости, что пишу среди ночи, надеюсь, ты спишь, и я тебя не разбудил, – писал Льё. – Дочитал сборник и уже начал кое-что рисовать. Надеюсь, понравится. Кроме того, у меня есть парочка идей, касающихся реализации. И я готов их с тобой обсудить в любое удобное время”

– Что?.. – пробурчала Майя. В пять утра Льётольв сидит и рисует, будто бы творческий человек сошедший со страниц клишированного романа.

“Доброе утро, – быстро набрала она. – Что за идеи?”

“Почему не спишь?” – тут же последовал ответ.

“Читаю твоё сообщение”

“Разбудил?”

“Что за идеи-то?” – не выдержала Майя, странная настойчивость в общение больше её тревожила, чем радовала.

“Могу приехать и рассказать, заодно привезу завтрак, раз ты всё равно не спишь”

Майя даже встала, позабыв о страхах, и прошлась по комнате в возмущении. Что он вообще себе позволяет? Ехать ранним утром в гости к малознакомой девушке, чтобы рассказать свои идеи. Разве это нормально? Взгляд её упал на грустные полупустые горшки с домашними цветами, сиротливо пристроившимися на подоконнике, и она со стыдом вспомнила, как вчера выкинула букет. Если Льё заявится к ней, то придётся каким-то образом объяснить отсутствие подарка.

“Ну так что?” – настойчиво звякнул телефон. Пока Майя решалась, пришло второе сообщение: “Еду”. И забавный смайлик рядом.

– Вот же бред!

“Адрес, как и вчера, не спросишь?” – написала она вдогонку.

“Не спрошу”

– Ну и ладно, – буркнула Майя себе под нос и пошла ставить чайник. Раз уж она проснулась и ждёт гостей, надо хотя бы воды вскипятить и заварить свежий чай.

И только включив свет на кухне и набрав воды в чайник, она поняла, что электричество из квартиры никуда не делось. Выключатели были опущены вниз, будто бы Майя сама это сделала. Ей снова стало страшно, она прислонилась к холодильнику и застыла. Потом нервно рассмеялась и принялась себя утешать:

– Если работать без выходных, постоянно нервничать из-за Глеба и недосыпать, то можно сотворить и не такое. Май, это старость, подруга, склероз или что-то такое… Давай-ка ты сходишь к доктору, пропьешь витаминки… Да-да, – она продолжала привычными движениями засыпать в чайник заварку, заливать кипятком, – это наверняка от усталости. Скоро весна, авитаминоз. Погода меняется.

В дверь позвонили, сердце у Майи ёкнуло и на секунду остановилось, руки моментально стали ледяными. Позвонили снова. Она медленно подошла к двери, заглянула в глазок и увидела там серьёзного Льётольва. С тяжелым вздохом повернув ключ в замке, она пустила его в квартиру.

– Доброе утро! – радушно улыбнулся Льё, будто бы это он принимал у себя гостя, протянув Майе очередной букет цветов.

– Доброе, – буркнула она, пытаясь справиться и со страхом, и со смущением. Ко всему прочему ей снова стало стыдно.

– А я привёз нам завтрак, как и обещал, – беззаботно пропел Льё, запирая дверь и снимая своё клетчатое пальто. На тумбочку он водрузил большой крафтовый пакет.

– Да не стоило, я бы приготовила что-нибудь.

– В пять утра? Хотя… Уже почти шесть. Но всё равно! – Льётольв по хозяйски прошёл в ванную, словно сто раз бывал в этой квартире, вымыл руки и проплыл мимо Майи в кухню, захватив с собой пакет.

– Вы всю ночь рисовали?

– Ты, – откликнулся он.

– Что я?

– Обращайся ко мне на ты. Так проще, – бросил Льё, разбирая пакет. Он привез блинчики с начинкой, свежую выпечку и даже горячей кофе. – Угощайся.

– Спасибо, – смущенно пробормотала Майя, ей было странно наблюдать за ним, за его красивыми ловкими руками, и за всей этой возней. У неё в квартире совершенно незнакомый человек. Хозяйничает на кухне. Просит обращаться на ты. И привез цветы.

– Давай сюда, – забрал букет Льё и, пробежавшись взглядом по кухне, увидел вазу на подоконнике. Набрал в неё воды, поставил букет и водрузил его на стол. – Вот теперь хорошо. Надо было догадаться, что ты не примешь мой подарок.

– Я сейчас вообще ничего не понимаю. Как и вечером тоже. Откуда у тебя мой адрес?

– Да ты садись, так говорить приятнее будет, – как-то очень по-свойски глянул на неё Льё, и усевшись за столом, принялся с наслаждением потягивать кофе. – Найти адрес вообще не проблема в этом мире, Майя.

– И зачем, позволь спросить? – она присела на край стула и с некоторой опаской посмотрела на еду.

– Хотел сделать приятное. Ты действительно заслужила.

– Бред… Всё это какой-то бред! – Майя сжала руками голову и отчаянно помассировала виски.

– Ну почему же?

– Да как это так? Раннее утро, у меня в квартире незнакомый человек с завтраком и цветами.

– Я вовсе не незнакомый, Майя. Ну а то, что утро раннее… Разве это мешает? У тебя ведь выходной?

– Да, наверное выходной.

– Вот и наслаждайся, – он подвинул к ней стаканчик с кофе и блинчики. – Приятного аппетита.

– Ты приехал обсудить идеи ведь, да?

– Да. Но сначала предпочитаю поесть. И тебе советую.

Майя отпила кофе, заметив, как внимательно следит за её движениями Льё. Его красивые тёмные глаза словно сканеры, считывали каждый мелкий жест, каждый взгляд и, кажется, он не стеснялся такой внимательности. Она нервничала, чувствовала себя как под окуляром микроскопа, но в то же время хотела расслабиться и подхватить лёгкое настроение гостя.

Вдруг ей вспомнился его приятный жест на остановке, касание спины даже через пуховик оставляло в душе что-то невесомо-прекрасное, многообещающее. Майя чуть покраснела от своих же мыслей, и поспешила скрыть неловкость, потянувшись к булочке.

– А это правильно, – тут же отреагировал Льё. – И перестань уже смущаться. Скромность не порок, конечно, но не в твоём случае. Мне понадобится смелая и решительная Майя.

– Что?

– По поводу идей! Предлагаю провести презентацию книги у меня, организуем благотворительный ужин. Путь те, кто желает помочь, а может и замолить свои грехи, пожертвуют сколько захотят ребятишкам, написавшим сказки. А книги будут постоянно продаваться, там же мои иллюстрации. Кто не может купить картину – купит книгу. Хороший ход, как думаешь? – он снова улыбнулся, чуть приподнимая уголки рта, и загадочно, но очень твёрдо посмотрел на Майю, будто бы уже знал ответ, будто бы и не ждал ничего иного, кроме как согласия.

– Звучит перспективно.

– Вот и ладушки. Договорились!

– Льё… И неужели всё бесплатно? То есть, я ничего не должна буду?

– Ну… Возможно небольшую услугу, когда-нибудь потом… – он чуть приподнял плечи, пожимая ими. – Или никогда…

– Боюсь, я не смогу ничего сделать для тебя.

– Это так только кажется, Майя… Ка-же-тся, – Льё встал, – ладно. Мне пора! Уйма дел сегодня. Спасибо за завтрак, Майя…

– Да я собственно… Это же ты… – она последовала за ним в коридор.

– Просто ты проснулась вовремя, вот и всё… – Льё накинул пальто и склонился к самому уху Майи, едва не касаясь губами мочки. – Не выбрасывай цветочки, пожалуйста… Они не заслужили. А вот ты…

Он отстранился, нежно коснулся прохладной ладонью щеки Майи, и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Машинально заперевшись на все замки, Майя опустилась на пуфик, в недоумении разглядывая алеющий букет, заманчиво выглядывающий с кухни.

Поиграем?

Тихо. Полдня в квартире стояла полнейшая тишина. Майя ничего не делала, только прибралась на кухне. Всё остальное время сидела в комнате, перечитывая сборник детских сказок, иногда вяло отвечала Фисе на сообщения, даже не вникая в суть. Когда спина уставала от сидения, она вставала и уходила к окну, наблюдая, как весенняя серость накрывает город, стремительно приближая конец февраля.

Мыслями она постоянно возвращалась ко Льё, но думать почему-то не могла. Только вспоминала некоторые, особенно волнительные моменты, но сделать какие-то выводы или хотя бы выстроить логическую цепочку не выходило. Будто бы ей просто показывали картинки, но она не знала языка, на котором нужно изъясняться, чтобы их описать. Её сопровождала странная пустота в голове, но при этом удивительная наполненность в сердце.

Ближе к обеду Майя решила что-нибудь приготовить, чтобы не сидеть совсем уж без дела, да и еда на работу тоже понадобится. Она сновала по кухне, методично нарезая овощи, обжаривая мясо, и опять отмечала непонятную в себе перемену. Ей хотелось позвонить Глебу, позвать его на ужин, может быть даже выпить вина вместе, включить уютный старый фильм и провести ночь не в одиночестве. Но чем больше она представляла себе такое развитие событий, тем реже руки её тянулись к телефону.

Глеб совсем не такой, каким она хотела бы видеть человека, которого решит пустить в своё сердце. Он довольно резкий и иногда грубый, поверхностный. Его мало волнуют её переживания и он ни капли не интересуется волонтёрством, а ведь оно так важно для Майи. Со своей стороны она всегда старалась выслушивать то, что рассказывал Глеб о работе, пыталась запомнить имена и ситуации. Правда всё чаще ловила себя на мысли, что делает это зря.

В общем-то, эти отношения постепенно растворялись, таяли. Оно и понятно – если что-то хорошее не перерастает в другое хорошее, более обстоятельное, то рано или поздно, оно увядает. И если посмотреть с другой стороны: секс с Глебом всегда был хорошим, но сдержанным, а Майе хотелось чего-то большего. Больше чувств, эмоций, свободы. Но из раза в раз всё повторялось: стандартные, хоть и приятные ласки, почти одни и те же слова… Она понимала, что большинство длительных отношений сводится именно к этому – к привычке. Но с Глебом эти привычки не просто надоедали, они странным образом становились противны. Он будто бы что-то скрывал от неё, боялся, что его тайна откроется, поэтому не переходил определённых границ. Майя не помнила, когда поняла это, и сама же была удивлена: близость с Глебом поначалу казалась ей настолько феерической, что она и думать не думала ни о ком другом. Теперь же всё чаще в голову приходили мысли о неминуемом расставании.

Ближе к шести Глеб позвонил сам.

– Май, привет. Чем занята?

– Ужинать собираюсь, – ответила она, отметив собственное неудовольствие от звонка.

– Не хочешь вечерком посмотреть что-нибудь? Можно у тебя или у меня, – с надеждой пробормотал Глеб.

– Я бы никуда не стала выходить, погода не радует.

– Тогда я зайду?

– Ну заходи…

– До встречи!

Он повесил трубку, а Майя опустилась на стул, без аппетита посматривая на сковородки и кастрюли, полные еды. Она бы с удовольствием провела этот вечер в одиночестве. Но если прогнать Глеба сейчас, то есть риск проводить в одиночестве и все последующие вечера. Майя вздохнула и принялась за ужин.

“Май, мужик этот твой заходил! В клетчатом” – пришло сообщение от Фисы.

“Ты уверена?” – от чего-то дрожащими руками набрала ответ Майя.

“Абсолютно. По описанию – точно он”

“Что хотел?”

“Сделал большой заказ на цветы, говорит, ему для ресторана нужно. Красавец, конечно!”

“Он странный”

“Май, какая разница! Он в тыщу раз привлекательнее Глеба твоего, да ещё и при деньгах, похоже. Хватала бы!”

“Я так не могу”

“Ну и балда! Даже если немного развлечёшься, уже лучше. Хоть цену себе знать будешь” – возмущалась Фиса, и Майя могла представить себе выражение её лица: одновременно строгое и отмеченное тенью надежды.

“Страшно мне, Фис. Страшно! Он такой… Я не знаю, как сказать. В нём что-то зловещее есть, понимаешь?”

“Я понимаю то, что ты упускаешь шанс. Вот и всё. Помяни моё слово, Глеб сбежит от тебя скоро, или ты сама его прогонишь. И что тогда? Одиночество? Подумай, Май. Хорошо подумай”

“Ладно. Спасибо, Фис. Буду встречать Глеба”

“Вот встреть. А потом того мужичка встреть. И сравни”

“Да ну тебя”

Фиса ничего не стала отвечать, и Майя с колким чувством понимания отметила, что подруга абсолютно права. Но говорить проще, чем действительно решиться на какие-то действия. Да к тому же, надо ещё понять, насколько серьёзен Льётольв в своих намёках. Не хотелось бы вешаться мужчине на шею, не зная его желаний. Хотя… Ей снова вспомнилось его прикосновение, такое мимолетное, но такое нежное. Внутри что-то отозвалось едва заметной дрожью, и Майя постаралась спрятать возникшее желание узнать, каковы руки Льё на ощупь, а губы – на вкус.

Она быстро поднялась, убрала со стола и от греха подальше спряталась в душ. Только вода могла снять напряжение, унять тревогу и унести мысли в такие дали, где не было места ни Глебу, ни Льётольву.

Когда Майя выбралась из ванной, то сразу поняла, что уже не одна дома. На вешалке в коридоре красовалась новая куртка Глеба, а ботинки по-свойски заняли место на полке. Она медленно дошла до кухни и заглянула – никого, и неспешно побрела в комнату.

– Привет! – весело махнул ей Глеб, и подскочил ближе, предпринимая попытки обнять.

– Как добрался? – дежурно спросила Майя, приобнимая его в ответ.

– Да как обычно, тут ехать-то, тем более выходной, – он увлёк её на диван. – Я тут уже всё приготовил. И выпить и закусить, и даже фильм подобрал. Ты в душе, наверное, часа два была.

– Даже не заметила…

– И всё же, мне кажется, Май, что ты слишком устаёшь. Особенно последнее время. Сама не своя просто, не узнаю тебя. Скажи, ничего не случилось? – Глеб осторожно погладил её по голове.

– Да вроде ничего. Всё как обычно, с книгой работы много.

– Кстати, – Глеб запустил фильм и налил вина в бокалы, подавая один из них Майе, – я цветы видел на кухне. Кто подарил?

– Цветы? – спохватилась она и чтобы скрыть смущение, заглянула в бокал. Вино поигрывало красным, вальяжно плескаясь о стенки. – Это благодарность.

– Волонтёрам стали платить розами? – хохотнул Глеб, словно ему было всё равно, что его девушке кто-то подарил шикарный букет.

– Будто сам не знаешь… Нам всякое прилетает иногда, – Майя допила вино и задумчиво повертела в руках бокал.

Фильм её не занимал совершенно, она даже упустила момент с названием и не особенно понимала сюжет. Глеб же с упоением смотрел и постоянно комментировал, не забывая при этом наполнять пустеющие бокалы и закусывать. Если связать свою жизнь с таким мужчиной, как он, то вот так можно просидеть до самой старости перед экраном, смеясь над глупыми шутками и удивляясь очевидному повороту событий.

Майя исподтишка глянула на Глеба: в целом привлекательный, но довольно обычный парень. Русые волосы, высокий рост, неплохая работа. Она не думала, что начальники службы безопасности получают настолько много, что могут себе позволить снимать хорошую квартиру не на окраине и путешествовать несколько раз в год. Хотя Глеб жил один, у него даже захудалой кошки не было – потратить зарплату некуда. Майя всё пыталась занять его каким-нибудь хобби, увлечь волонтёрством, или заставить взять на попечение животных из приюта, – но ему это было неинтересно.

Невольно тяжело вздохнув, она привалилась к плечу Глеба и прикрыла глаза. На безрыбье и рак – рыба. Так ведь говорят? Многие мечтают о таком парне, а она вдруг недовольна. Выбирать уже поздно, возраст не такой уж и молодой. Но сколько Майя не пыталась представить их вместе лет через пять – не могла.

“Ты только об отношениях и думаешь, – оборвала она себя. – Лучше бы поразмыслила о чем-то более важном. О работе, например, или о том, чем придётся отплатить Льётольву”. От одной только мысли о галеристе внутренности тоскливо сжались, напоминая о его нежном прикосновении. Вот бы сейчас рядом оказался не Глеб, а Льё. Такой загадочный и немного опасный. У него невероятно красивые мужские руки и изысканные манеры, он умеет говорить одними только глазами и жестами. Его хочется изучать, за ним хочется наблюдать. Иногда издалека, а иногда – прижавшись всем телом. Майя вдруг испугалась собственных вольных мыслей и встающих перед глазами картин, и обняла Глеба крепче.

Он растолковал эти объятия по-своему и вполне однозначно. И как бы Майя не думала, что близость с Глебом ей наскучила, тело отозвалось призывом к действию. Неспеша, растягивая удовольствие, они целовали друг друга и понемногу раздевали. Сердце забилось быстрее, когда он провел руками по голой спине. И всего лишь на жалкое мгновение, в полумраке комнаты, Майе почудились совершенно другие глаза вместо глаз Глеба.

Чтобы избавиться от пугающего видения, она прильнула к его губам, и не отпускала ни на секунду до тех пор, пока не опрокинула на диван. Глеб попытался было удивиться и возмутиться такому непривычно-властному жесту, но не успел. Майя, совершенно непохожая на саму себя, требовательно ласкала его, забываясь в ожидании грядущего наслаждения.

– Май, – прошептал он. – Полегче… Я не готов к такому напору.

– Зато я готова… Не хочу быть, как старая семейная пара, – продолжала она всё настойчивее.

Глеб понемногу сдавался, принимая странное и непривычное рвение Майи. Она и сама себя не узнавала – столько страсти в ней никогда не бывало. Иногда ей казалось, что это не чувства говорят, а желание позлить Глеба, показать ему, какими живыми и яркими могут быть отношения, она пыталась заставить его быть другим, не таким привычным и безопасным. Чувства! Вот чего ей хотелось. Настоящих, горячих чувств – приблизительно таких, какими они были в самом начале их знакомства.

Она передала инициативу в руки Глеба только для того, чтобы немного передохнуть и посмотреть, поддержит ли он её игру. Тихонечко постанывая, Майя целовала его, не открывая глаз, легко прикусывала то за ухо, то за плечо, то за губу. Глеб отвечал страстными, но всё равно едва заметно-сдержанными движениями. Ей так и хотелось крикнуть ему “Ну же! Хватит притворяться! Побудь чуть зверем!”, но вместо слов с губ срывался приглушенный стон, чуть

реже – судорожный вздох. Она впивалась в его спину пальцами, сжимала до боли и дрожи, пугаясь своего остервенения.

В какой-то момент, когда уже погас экран, и комната погрузилась в ночную темноту, Глеб сдался. Легко и просто перешёл ту невидимую границу, которую чувствовала Майя. И её обдало жаром, таким невероятным, что она чуть не задохнулась. Вместо стонов выходили вскрики, и теперь уже её хватка становилась отчаянно сильной не из-за желания сделать больно, а из-за острой необходимости держаться за что-то. Она со всей силы прижималась к Глебу, пытаясь не отделять себя от него. Вот чего ей не хватало! Безумного огня, ощущения того, что это не просто привычный и необходимый акт соития, что это – настоящее занятие любовью от горячечного желания обладать друг другом, чувствовать друг друга, быть вместе.

Сумасшедший морок наслаждения и чувственного угара, боль, удовольствие и страх – всё слилось в едином порыве. Тело Майи пронзила острая судорога, сковавшая лёгкие, но заставившая блаженной неге собраться в один большой комок, а после – растечься, заполняя каждую клеточку. Она тяжело и шумно дышала Глебу в плечо, а он что-то тихо нашептывал будто сам себе на каком-то неизвестном языке.

Майя попыталась разобрать слова, но Глеб уже молчал. Кажется, воображение разыгралось, переворачивая сознание. Так она себя и чувствовала – полностью перевернутой, перемешанной, как бусинки в стеклянной банке. Он бегло поцеловал её, и тяжело лёг рядом.

Она повернулась, чтобы устроиться в его руках, но тут же отпрянула: вместо Глеба ей почудился обгоревший труп, совершенно черный, покрытый то ли сажей, то ли кусками угля. Ужас! Майя еле сдержалась, чтобы не закричать, дыхание перехватило и в голове зашумело. Откинувшись на диван, она уставилась в потолок, боясь посмотреть на Глеба.

– Май… – подал он голос.

– А?… – шепнула она в ответ, пытаясь успокоиться и не выдавать своего испуга.

– Круто было…

– Так ведь лучше, да?

– Чем что?

– Чем всегда…

– Ты так говоришь, будто сравниваешь… – чуть обиженно буркнул Глеб. – Может цветы от тайного поклонника?

– Скажешь тоже… Поклонник. Некогда мне по поклонникам бегать. Тем более… – она всё же рискнула взглянуть на него, – у меня есть ты.

Перед Майей лежал всё тот же Глеб: привычный, лохматый, голый и довольный. Никаких следов выжженного трупа. Ничего такого. Она подвинулась к нему ближе, и уткнулась в плечо, пытаясь вспомнить, как он обычно пахнет, но никак не могла сообразить. Эта информация словно исчезла, и сейчас запах Глеба показался чужим, новым. И не было в нём ничего такого особенного, что когда-то забавляло её, заставляя сердце чуть вздрагивать каждый раз, когда они оказывались рядом.

– Надо спать, Май. Завтра на работу как-никак.

– Да… Для игр нужно выбирать другое время, – неожиданно сказала она и прикусила язык.

– Игры? Ты о чем?

– Не знаю… Уже засыпаю. Доброй ночи.

Пустой холст

Я видел, как остывал кофе в чашке, брошенной на столе около плиты, как белеют пустые холсты, расставленные вдоль стен и под окнами, но больше всего меня занимала игра света фонаря, проникающего сквозь полупрозрачные шторы в комнату. Это был не луч света в том самом проклятущем тёмном царстве. Это была крошечная попытка жизни победить смерть. Свет рассеивался тем больше, чем дальше уползал в комнату, по частичке пропадал, исчезал, растворялся… Я мог бы подобрать ещё сотню синонимов, но все они были слишком *не такими*, какой я видел смерть этого луча. Если бы рядом был Денеб, он снова бы сказал, что я слишком переживаю о том, что с нами стало и слишком часто думаю о том, что будет. Но отпустить мысль о том, что я почти такой же умирающий полупрозрачный луч света, – не мог.

На подоконнике тяжелым грузом лежали наброски иллюстраций к детскому сборнику сказок. Хорошо было бы понять, зачем на самом деле я ввязался в это дело. Майя. Я заприметил её давно, на каком-то благотворительном мероприятии. Она слишком добрая и отзывчивая, люди такими не бывают, хоть сиё утверждение и противоречит существованию этой девушки. Именно такая, почти незамутненная и открытая душа мне и была нужна. Достаточно долго я думал, как бы к ней подобраться, расположить к себе: выход нашелся сам собой. Майя – трудоголик, и для неё большое значение имеет волонтёрство. А дальше оставалось навести некоторые справки, побродить по значимым местам и вуаля. Она почти у меня в руках.

Невольно вспомнилось её удивленное и смущенное лицо, когда я позволил себе прикосновение. Майя говорила, что у неё есть парень. Будет интересно с ним посоревноваться. Ради достижения своей цели, я готов пойти даже на некоторые искажения личности этой чудесной девушки. Хуже точно не станет. А может быть, даже будет лучше.

Рука предательски заныла, и я поднялся, чтобы размяться. Покрутил ладонью из стороны в сторону, но стало только хуже.

– Да чтоб тебя…

Противный холодный кофе взбодрил меня, и я, позабыв о боли и о времени на часах, принялся рисовать на первом попавшемся под руку холсте. Белый, совершенно чистый. Девственно-чистый, я бы сказал. Совсем как весеннее поле, или наполненная талой водой река после бурной оттепели. Мне не нужен был привычный набор кистей, я обошёлся одной, которая первой легла в ладонь. И краска тоже была одна единственная, в темноте она казалась тёмно-коричневой, но на самом деле – тёмно-красная. А хотелось бы писать чёрной, как сама ночь.

Из-под моей руки выходил знакомый образ, только контур, который я даже не собирался заливать краской. Эта картина не такая, как все остальные. Обычно я пишу полноценные, многоплановые истории на холстах. Пишу тот мир, который хочу видеть. Но в эти ночные минуты, когда душа тоскливо рвалась неизвестно куда, только эти изящные линии, сливающиеся в прекрасную женскую фигуру, успокаивали меня, возвращали туда, где я есть.

За плавным изгибом нежной тонкой шеи следовали чудесные, точеные плечи и чуть разведенные в стороны руки. Тонкая линия, намекающая на позвоночник, талия… И самое главное – потрясающие крылья, звенящие, искрящиеся, играющие огнём. Сначала я вывел их широкими, крупными мазками, резко смахивая краску вниз, а после – любовно выписал каждое пёрышко. Дышать не хотелось от восхищения силой и красотой. Феникс. Сколько таких картин я уничтожил? Сжёг, как и положено. А потом возродил – нарисовал снова. И буду это делать до тех пор, пока не успокоюсь.

– Ты прекрасна, – шепнул я картине, мимоходом отметив, что за окном стало гораздо светлее, и комнату освещал уже не фонарь.

В дверь тихо постучали. Так делал только Ден. Мой вечный друг, партнёр и товарищ. Моя *сущность*. И что его принесло в такую рань? Я быстро отставил холст лицом к стене, закинул на его место новый, и добрался до коридора.

– Разбудил? – с порога начал Денеб. Он принёс с собой свежесть февральского утра, напополам с весенней влажностью.

– Я не спал.

– Совсем? – он приподнял бровь и удивленно глянул на меня. Чего удивляется, спрашивается? Будто бы этот факт для него вновинку.

– Совсем. Рисовал, – я выставил вперед перепачканные краской руки.

– Покажешь?

– Испортил.

– Лучше б поспал, честное слово, – Ден бросил куртку на вешалку, скинул обувь и похозяйски расположился посреди комнаты на стуле, оседлав его задом наперёд. Никогда не мог терпеть эту его привычку.

– Да какое спать… Сначала иллюстрации продумывал, а потом…

– Вдохновение напало? – хохотнул он, оглядывая комнату в поисках чего-нибудь интересного. Я бы и хотел рассказать ему о своём навязчивом желании рисовать одного и того же Феникса, но что-то останавливало меня из раза в раз.

– Можно и так сказать. Но ни во что хорошее не вылилось. Мне вообще трудно рисовать в это время года.

– Тоскливо, ага.

– Ты чего пришёл-то? – я опустился на пол, схватив пустой холст грязными руками, оставляя неаккуратные отпечатки по краю.

– А… Да так, не спалось. У тебя с рукой что? – Ден пристально смотрел на меня, я чувствовал его взгляд даже спиной. Вот же сущность, знает, чем меня пронять.

– Болит.

– Это я похоже расслабился немного, – буркнул он и встал наконец-то со стула.

– Да ладно. Пройдет.

– Пройти-то пройдёт, но сам факт, – Ден сел рядом со мной и взялся за запястье своими ледяными руками. Боль сразу стала менее ощутимой, от моего друга шло тепло, согревая и его ладони и меня. – Ты бы раньше сказал, Льё.

– Спасибо, Ден, – неловко улыбнулся я.

В такие моменты мне всегда становилось немного не по себе, с самого детства. Столько внимания и заботы я никогда ни от кого не получал. И это в большей степени заслуга Денеба – он не самая обычная сущность. Вернее, совершенно необычная.

Мне не повезло родиться экзистенциалистом, менять мир только одним простым движением кисти или карандаша, или руки, с которой стекают страшные, чёрные экзистенциальные чернила. Я могу внедриться в любой мозг и исказить память, личность, сделать человека таким, каким хочу его видеть. Рисуя мир, я его изменяю по своему усмотрению, но при этом всегда знаю, где мир настоящий, а где моя экзистенциальная подделка. Сущности же, вроде Денеба, всегда работают в паре с экзистенциалистами, помогают, поддерживают. Меняют своё тело, цепной реакцией вызывая изменения и в пространстве вокруг них.

Я невольно покосился на друга: он задумчиво смотрел на белый, чуть испачканный краской холст. Его шея, руки, выглядывающие из-под чёрной футболки, были сплошь покрыты татуировками, как и всё тело. Это – его способ искажения. Рисунки меняются по воле Дена, и меняют мир. Да и тело – только сосуд, на самом деле он совершенно не такой. Он – другой. Туманно-огненный.

– А мне который день снится шиповник, – неожиданно выдал Денеб с тяжелым вздохом.

– Настоящий?

– И настоящий тоже, – он взял с пола кисть, окунул в краску и нарисовал простой цветок на холсте.

– Не к добру.

– Почему?

– Ну с шипами он…

– Зато красивый. Я эскизы для татушки из него сделал.

– Себе бить будешь? – спросил я только, чтобы спросить. Дену не обязательно набивать татуировки привычным способом, он их может сделать за пару секунд кому угодно и где угодно.

– Неа, он для девушки подойдёт. Красиво будет. Оставлю, вдруг кому-нибудь понадобится.

– Для девушки… – эхом отозвался я, вспомнив Майю. Нет, такие штуки не для неё.

– Ты мне так и не рассказал про эту свою… Забыл имя, – Ден поднялся и побрел к открытой кухне, устроенной чуть в стороне.

– Майя.

– Да, точно, – он бросил грязную кружку в мойку и принялся варить свежий кофе. – Так что там с ней?

– Ничего особенного, – я продолжил рисунок Дена, дорисовывая ветки и листья к цветку. – Крайне удачное знакомство вышло. Она идеально подходит для моего небольшого эксперимента.

– Я думал, что ты забросил эти дурацкие мысли.

– Ден, как забросить? Ну как? Если вот оно – совсем рядом, понемногу формируется, собирается со всех сторон.

– Думаешь, будет такое же гигантское влияние, как и в прошлый раз? Когда того Феникса затянуло? Без крыла оставило? – Денеб медитативно разлил кофе по чашкам и поднёс мне одну.

– Будет ещё веселее, помяни моё слово.

– Я бы вместо таких гигантов лучше бы поработал с мелкими… Проклятье бы извёл какое-нибудь…

– Ну этого добра навалом.

– Не в буфере же?

– Иногда и в буфере. Ко мне тут один товарищ заглядывал… Говорит, проскакивают они и сюда. Так что тебе работка найдётся!

– О! Это хорошо, а то я себя стариком каким-то чувствую. Скучновато тут, в Москве, – Ден сверкнул глазами. Ох уж эта сущность. Ненасытный.

– Жизнь отступников не самая весёлая, соглашусь. Но всё в наших руках, мой дорогой друг! – я поднял кружку с кофе так, если бы держал бокал с вином, и отпил. Оказывается, после бессонной ночи этот напиток дарит некоторое успокоение, настраивает на едва бодрый утренний лад.

– Ничего в наших руках нет, кроме всякой ерунды. Я уже подумываю о том, чтобы иногда татушки бить так, как только я умею. Не страшно ведь, если чуток искажать людей? – ухмыльнулся Ден. – Меточки ставить, забавно. Или нет?

– Смотря какие метки, – с этими метками всегда что-нибудь, да не так. Сущности любят хулиганить – последить за кем-нибудь или энергию отобрать. Гораздо интереснее ставить метки не на людей, конечно. Но в буфере не так много отступников, которые бы поняли такую шутку, а работающие экзистенциалисты и Фениксы за это могут и до суда довести, ну или выговора на крайний случай. Страшного ничего, вот только хлопот и неприятных встреч – слишком много.

– Да никакие. Дурацкая идея. Тоже скучная, – он прошёл к окну и всмотрелся в серую улицу. – Слушай, Льё, ты Майю эту всё же как объект рассматриваешь?

– Не знаю, правда. Я начал немного её искажать, совсем капельку, хочу, чтобы она была свободнее со мной.

– Боится?

– Угу… – подумав, я зачерпнул побольше краски на широкую кисть, и принялся закрашивать рисунок сплошным чёрным.

– Я б тебя тоже боялся на её месте.

– Ах-ха-ха! – рассмеялся я, не в силах совладать с собой. – Да ты бы уже давно оказался в моей постели!

– Но-но! Я бы попросил, – с таким же смехом ответил Ден, – ещё неизвестно, кто в чьей оказался бы.

– Вот ты дурак…

– Сам такой. Художник, – и уже серьёзнее добавил, – будь осторожен. Не давай повода себя ни в чём уличить. Искажения людей без причины запрещены, а тебе – в особенности.

– Ден, мы в буфере. Никто ничего не узнает…

– Ну-ну.

Я задумался, поглядывая, как Денеб мирно пьёт кофе, задумчиво блуждая по комнате взглядом, иногда задерживаясь на мелких деталях. Буфер. Как давно я здесь? Вспомнить сложно. Я не люблю вспоминать, но постоянно это делаю. После изгнания, за дело, конечно, мне доступны только буферы – спокойные города под защитой. Сюда не проникают влияния, если только изредка и самые мелкие, зачастую те, которых создают всякие колдуны и маги, обитающие в Москве. Жаль, что меня определили сюда. Среднеазиатская линия. Лучше бы отправили в Европейскую. Будапешт мне роднее. Хотя все буферы одинаково тоскливые – города для людей, архивов и отпусков. Ну и для таких, как мы с Деном – отступников и изгнанников, можно сказать преступников. Меня избегают даже свои, даже те экзистенциалисты, с которыми я учился и дружил когда-то, те, с кем довольно плотно сотрудничал. Ну и Денебу заодно достаётся.

– Тебе не кажется, – продолжил я, нарушая прекрасную утреннюю тишину, – что без дела мы тут просто сойдём с ума? Разве простая жизнь нам подходит?

– Чем тебе не нравится делать то, что ты сейчас делаешь? Пиши картины, организуй выставки, открой ещё одну галерею или ресторан. У тебя тут столько связей уже образовалось, можно по самую крышечку загрузиться, – парировал вполне логично Ден, в общем-то он всегда немного отрезвлял меня.

– Это всё не то. Ты и сам прекрасно понимаешь. Только что ведь говорил! Мы привыкли применять свою силу, нельзя просто так взять и засунуть собственную природу куда подальше. А эти мелкие масштабы “шуточек” только угнетают и злят, – я добрался до раковины и принялся отмывать руки.

– Понимаю… Но как-то… А-а-а-а! Да к чёрту! – Ден хлопнул по столешнице громко и звонко, пустая кружка подскочила и тоскливо звякнула. – Искажай эту… Как её? Майю. Готовь. А я тебе помогу с влиянием. И будь что будет. Не помирать же теперь от тоски, да?

– Да… – я вытер руки и подошёл к нему. – Спасибо, essentia (*сущность (лат)*).

– Mollit viros otium (*безделье делает людей слабыми (лат.)*), – откликнулся он и хлопнул меня по плечу.

– Ленивыми оно их делает… И амёбными.

– И это тоже… Льё, – Ден вгляделся в мои глаза, готовясь сказать что-то важное. Он всегда так делал, сколько я его помню. Заглянет в душу и только потом говорит, будто проверяет, готов ты или нет. – А может тебе на Майю не как на объект глянуть?

– В каком смысле? Ты мне в неё влюбиться предлагаешь?

– Ну специально такое не сделать, но хоть повстречался бы? Или она совсем не то?

– А я что делаю по-твоему? Цветы два раза дарил уже. Три. Если быть точным. Один раз она их не взяла, второй раз выбросила…

– Третий? – Денеб продолжал сверлить меня взглядом. ну что за дурацкая привычка?

– Оставила. И то потому, что я сам их ей домой привез.

– Вот же ты! – надулся Ден. – Хоть бы сказал… Ну и как она?

– Чего она? Взяла, а куда деваться было?

– Да я не о том…

– Ты опять? Озабоченный. Это даже не свидание было!

– И что? – пожал плечами Ден. Ну да, это он мог утащить в своё логово девушку при первой же встрече и даже не смущался, наоборот – гордился. Сущности все такие: не выжидают, а действуют, редко сомневаются, потому что с чувствами у них туговато. Но Денеб не такой, мы с ним настолько сроднились, что какая-то часть меня теперь его, и наоборот, поэтому… У моей сущности есть чувства. Но повадки никуда не денешь.

– И ничего, – скривился я, как и всегда во время таких разговоров. Терпеть их не могу. – Я ж не ты.

– Скажи просто, что ты её не интересуешь как мужчина, – хохотнул он.

– Дать что ли тебе в лоб, а?

– Льё, ну ты как маленький, честное слово.

– Отвянь. Я люблю, чтобы всё было красиво. Дай мне наиграться в ухаживания…

– Ну так значит она тебе всё же приглянулась, да? Скажи да!

– Да.

– О! Это другое дело, – потёр руки Ден, ехидно улыбаясь. – Не оплошай там, если вдруг чего… – и добавил серьезно. – Отношения скрасят твоё изгнание. И плевать, что она человек. Хороший ведь человек?

– Ага… Очень хороший. И уже немножко… Искаженный.

Мы снова погрузились в молчание. Так происходило постоянно. Любой наш разговор сводился к работе или её проявлениям. Сложно быть отрезанным от привычной жизни, от того, чему были посвящены годы и годы труда. Нет, мне даже нравился размеренный темп моего нынешнего существования: никакой спешки, никаких ужасов и грязи, которые приходилось постоянно наблюдать при взаимодействии с влияниями.

Экзистенциалисты всегда приходят на место уничтожения или вместе с Фениксами или после, чтобы убрать за ними. Эти огненные товарищи работают резко, быстро и мощно, но зачастую с жутковатыми последствиями. Влияниям и тем, в кого они вселились, больно – без страданий, безумных выходок и разрушений пространства обходится редко, не многие из Фениксов способны на аккуратную кропотливую работу. Да оно и не нужно. Их достоинство – скорость и фатальность.

Правда, мой уровень таков, что я никогда ни за кем не убирал, наоборот, – работал вместе, в связке или дожидался, пока понадобится помощь.

Теперь же, с тех самых пор, как я стал отступником, моя помощь никому не нужна. Из буфера я могу выбираться только по специальному разрешению и не имею права в открытую применять силу. Хорошо, что пристально за этим никто не следит, да и я умею делать свою работу чисто.

Когда я узнал о том, что на Северо-Востоке от Москвы чаще, чем в других районах обнаруживаются влияния, то сразу сообразил, что дело тут нечисто. Всегда, когда в мире происходит прирост влияний разного масштаба, нужно ждать чего-то нехорошего – катастроф, эпидемий, войн. При локальном скоплении вместо глобальных проблем, появляются супер-влияния, огромные, гигантские и очень сильные. Ещё со времён учёбы, да и потом, когда мне приходилось сталкиваться по работе с Фениксами высоких уровней, типа наставников, я внимательно

наблюдал и прислушивался к разговорам, а после – изучал литературу. Хотел стать лучшим, сильнейшим. Звания истинного мне всегда было мало, хоть оно и предполагало недостижимый для большинства уровень мастерства. Но как увеличить и нарастить то, что от природы дано в том виде, в котором есть и развитию не сильно подлежит? Запрещенных техник, как у Фениксов, мне думалось, что у нас, экзистенциалистов, нет. Но путём своих длительных изысканий и благодаря судьбоносной встрече с одним из сильнейших представителей огненных сущностей – Сёртуном, мне удалось выяснить одну преинтереснейшую вещь. Силу и энергию можно забирать в момент уничтожения влияния. И если из числа Фениксов на это способны единицы, то с экзистенциалистами ситуация проще и сложнее одновременно. Мы можем забирать довольно легко, поскольку научены взаимодействием с сущностями, но нам необходим проводник. Особенно если объемы большие.

Проводники – люди. И чем чище их помыслы, чем они добрее и бескорыстнее, тем проще использование. Слово отвратительное, но такова суть. Именно поэтому связи с людьми, близкие связи, не приветствуются ни в рядах Фениксов, ни среди экзистенциалистов, не говоря уже о сущностях. Но я пошёл дальше. Доброта и бескорыстие основываются на доверии. И чтобы вытащить эти качества наружу и их применить нужно найти человека, который будет готов открыться тебе навстречу. Навстречу экзистенциалисту. Как этого добиться? Войти в доверие. А ещё лучше – заставить полюбить.

Майя.

– Ладно, – слишком громко для моих мыслей произнёс Ден откуда-то из спальни.

За своими раздумьями я и не заметил, как он переместился в соседнюю комнату.

– Ты что там делаешь? – не совсем понимая, который час и что я вообще должен делать, побрел на голос друга.

– Постель тебе расстилаю, спать ложись, – деловито пробормотал Денеб, действительно снимая покрывало и задвигая шторы.

– Так утро же… – вяло сопротивлялся я. Вообще с ним спорить бесполезно.

– Да и какая разница? Ты спишь на ходу. Экзистенциалист чёртов. Совсем за собой не следишь, – бухтел он, взбивая подушки.

– Ты как старая бабка, Ден.

– Будешь тут с тобой и старой бабкой, и дедкой и нянькой в придачу. Ложись давай! А я пойду, работа не ждёт.

– Загляни после обеда в ресторан, а? Цветы привезут для вечернего приёма.

– Загляну. А ты чтоб спал. И раньше завтрашнего дня на глаза мне не попадайся.

– Ден! Тень тебя побери, мы что, местами поменялись? – я с удовольствием завалился в постель и вытянул ноги.

– Не всё ж тебе командовать. Lupus non mordet lupum (*волк не укусит волка (лат.)*), – махнул он куда-то в сторону и бросив на меня смешливый взгляд, тихо вышел из комнаты, осторожно прикрыв дверь.

Я слышал, как он открыл окна в гостиной, как вымыл и убрал грязную посуду, мог представить неспешные движения, когда Ден надевал куртку и ботинки. Последовательность его действий врезалась в мою память навечно, каждый мелкий жест, каждая ужимка – всё мне было хорошо знакомо, будто бы я – тоже Денеб, а Денеб – это я. Да… В сущности так и было, почти. Процентов на тридцать.

Входная дверь тихо скрипнула и замолчала. Ден прав, мне нужен сон.

Надежда

Я открыл глаза. Будильник не звонил, но в комнате было довольно светло: кто-то чуть раздвинул шторы. Немного потянувшись и размяв шею я сел, пытаясь отыскать взглядом телефон. Он нашёлся на полу рядом с кроватью. Девять утра. Но дата! Я проспал сутки.

Из кухни доносился запах свежесваренного кофе и ещё чего-то вкусного. Денеб!

– Твои шутки меня бесят, – прокричал я ему, проходя в ванную.

– Зато ты отдохнул и можешь пару ночей не спать, – парировал Ден, колдуя у плиты. Вот так всегда происходит: он появляется неожиданно, но в самый подходящий момент, убирает, готовит, заботится.

– Погоди. А вчерашний приём? – вдруг вспомнил я и остановился на полпути.

– Всё нормально! – отозвался Денеб, махнув лопаткой, которой мешал что-то в сковороде. – Я за тебя провёл. Сказал, что ты болеешь.

– Из душа выйду, дам тебе по шее, – погрозил я и скрылся за дверью ванной.

Ещё не хватало, чтобы Ден брал на себя мою работу или превратился в няньку. Ну и что, что каждую весну я скатываюсь в уныние, лечу в пропасть тоски и печали? Сначала лечу, потом разбиваюсь о камни собственных воспоминаний и горестей, а после всё равно встаю и иду дальше. Вот если бы оказаться сейчас не в Москве, а в Будапеште хотя бы. Или ещё лучше – в Кейптауне. Да… Подальше от знакомых до боли улиц, подальше от всего. Но без Денеба меня туда не пустят, да и вообще не пустят, принципиально.

Страшное наказание Московским буфером. Интересно, кто проголосовал за это, когда мне выносили приговор об изгнании? Хотя это не так уж и важно. Где бы я не оказался заперт, мне везде бы не нравилось, потому что привык я к свободе.

В ванной тоже виднелась заботливая и чистоплотная рука Денеба: блестящее зеркало без единого развода, сверкающая сантехника, аккуратно сложенные полотенца и идеально вымытая плитка. Он постоянно это делает – наводит чистоту и порядок. Болезненное желание дистанцироваться от самого себя, от страшных и мерзких проявлений природы сущности. Да уж. Мы с ним идеальная пара – оба не в ладах с собой.

– Льё! – постучал Ден. – Ты там живой?

– Живой, чего надо? – крикнул я в ответ через дверь, старательно приводя себя в порядок.

– Завтрак стынет же!

– Ден, ты за няньку что ли?

– Если бы. За жену! – хохотнул он и отстал от меня.

Я поспешно умылся, оставшись довольным гладковыбритым лицом, накинул халат и вернулся в комнату. Ден сидел за барной стойкой, заменяющей стол, и потягивал кофе. Он кивнул на моё место и тарелку с чашкой.

– Приятного аппетита.

– Спасибо, дорогая жена, – скривил я лицо.

– Да ну тебя, – поморщился Денеб. – Уж и пошутить нельзя.

– Шуточки у тебя дурацкие. Я уже говорил!

– Нормальные! Неужели тебе сон на пользу не пошёл? Думаешь, я не в курсе, что ты вообще почти не спишь? Не забывай, Льё, что я чувствую почти всё, что и ты.

– Только на физическом уровне.

– Ну конечно! А те небольшие проценты уровня сознательного будто бы ничего не значат?! Да и какая разница, – он шумно поставил кружку на стол и отвернулся к окну, обиженно поджав губы. – Тебе физически плохо было. Рука болела. Не доводи себя.

– Я не довожу, – завтрак был вкусным, но этот неприятный разговор всё портил.

– Ну-ну. Мне не ври.

– Экзистенциалисты вообще не врут.

– Ой, да конечно!

– Слушай, Ден, чего ты завёлся?

– Хочу, чтобы ты прекратил сводить себя в могилу. Вот чего. Я ведь жить собираюсь долго и даже счастливо. А без тебя как?

– Никак, – протянул я, рассматривая своё отражение в тёмном кофе.

– Так что давай, прекращай свою весеннюю хандру. Займись уже Майей, развлекись как следует. А там март… Весна.

– В Будапешт хочу, – сорвалось у меня с губ. Ден тут же нахмурился и постучал пальцами по столу, выбивая знакомый ритм нашей любимой с детства песни.

– Зачем?

Я только плечами пожал. Если бы знал, то давно был бы там.

– Ден, как эта песенка называется? Забыл.

– Марш горного короля, – на автомате ответил Денеб. – Забываешь…

– Ага. Без работы голова совсем чумная.

– Да уж…

Больше и добавить было нечего. Экзистенциалист без работы рассыпается на части, почти в буквальном смысле. Чтобы поддерживать своё сознание в тонусе, чтобы быть собой, мне жизненно необходимо что-нибудь или кого-нибудь искажать. Мои способности, как мышцы, без тренировок сдуваются, исчезают. И заодно стирают меня с картины мира. В этом мне чудится странная ирония – любой человек, искаженный экзистенциалистом или сущностью, либо выжженный Фениксом, со временем так же исчезает: его начинают преследовать небольшие провалы в памяти, депрессивные настроения. И чем дальше, тем больше и хуже, вплоть до суицидальных мыслей. Сознание должно быть целостным, вырывать из него куски ради развлечения – мерзко. Но я не Феникс, и могу не только искажать ради уничтожения, но и ради излечения тоже.

В мысли снова закралась Майя. Она милая. Действительно милая и добрая. Может быть Ден и прав, может мне стоит попробовать с ней? По-настоящему. Не заманивать её в свои сети, как паук, только чтобы потом использовать расположение и доверие, а попробовать влюбиться? Слово-то какое, странное. Непривычное. Что вообще такое любовь, и как давно я забыл, откуда она берётся?

– Ден?

– Аюшки, – тут же откликнулся он, подавая мне сигареты и мундштук. Знает, всё он знает.

– Спасибо, – я неспешно закурил и, пуская клубы дыма, продолжил, – как думаешь, любовь вообще существует?

– Вот тебя понесло…

– Ну а всё же?

– Если б её не было, ты бы не родился.

– Глупости. Дети рождаются не только от любви.

– Я ж не про всех говорю, а конкретно о тебе.

– Может я исключение?

– Конечно. Ты ж экзистенциалист, – улыбнулся Ден, но тут же лукаво взглянул мне в глаза. – Что задумал?

– Ничего особенного.

– Опять врёшь.

– Недоговариваю.

– Майя?

– Ага.

– Попробуй, правда.

– А ведь я ей нравлюсь. Но она такая… Слишком правильная что ли… – пожал я плечами.

– Правильные что, влюбляться не могут? Или секс им противопоказан?

– Нет, конечно. Но я сомневаюсь, действительно ли она именно та, которая мне нужна сейчас, – я стряхнул пепел в недопитый кофе.

– Не попробуешь, не узнаешь.

– Кстати! Надо позвонить ей, извиниться, я же так и не отправил наброски.

– Вот и звони. А я пойду, работа у меня всё же, – Ден встал, хлопнул меня по плечу и побрел в коридор, заметно опечалившись.

– Денеб…

– А?

– Собери мне небольшую статистику по влияниям в Москве, ладно? Есть некоторые сомнения по поводу одного товарища…

– Сделаю. Счастливо!

Он хлопнул дверью, растворившись за ней в февральском мрачном дне. Я же отыскал телефон и несколько раз набрал Майе – она так и не ответила, заработалась, наверное. Послонявшись по квартире в пустом безделье, я не придумал ничего лучше, чем снова вернуться к работе над иллюстрациями. Хотелось как можно быстрее разобраться с ними, обработать, утвердить и отправить сборник на вёрстку. В моих планах презентация должна была пройти не позже, чем через месяц.

Жечь

Я упорно работал до самого вечера, прерываясь только на кофе и сигареты. Рисунки выходили красивыми и смысловыми, на мой взгляд. Не знаю, понравится ли детям, мне бы в их возрасте было интересно даже несмотря на то, что уже тогда я рисовал так, что картины вызывали восхищение всех вокруг. Если бы только они знали, кого хвалят, кому удивляются. Если бы и я знал…

Зазвонил телефон, и я автоматически поднял трубку.

– Льё? – тихий голос Майи отозвался непривычным теплом в груди. Я улыбнулся.

– Да, добрый вечер!

– Вы… Ты… Ты мне звонил несколько раз, я телефон дома оставила…

– А… – только и сказал я. Правда это или нет можно проверить позже.

– Что-то важное?

– Хотел извиниться. Я немного приболел, поэтому не смог отправить зарисовки. Но они все почти готовы, так что если ты утвердишь образцы, их можно пустить в работу в самое ближайшее время.

– О! А как сейчас самочувствие? Мы никуда не торопимся, можешь работать спокойно.

– Всё отлично, у меня чудесный друг, быстро поставил на ноги.

– Он врач?

– Что-то вроде… Так когда тебе удобно посмотреть картинки? – опять она пыталась спрятаться от меня, я чувствовал это сопротивление даже на расстоянии.

– После работы в любое время.

– Сейчас?

– К сожалению, не сегодня, – тихо пробормотала она. Не одна дома? Ах да, парень…

– Тогда завтра?

– Можно. Где встретимся?

– Я заеду, если ты не против…

– Ладно, – голос у неё предательски дрогнул. И всё же Майя у меня на крючке. Может не так прочно, как хотелось бы, но это вопрос времени. Завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.